

**СПАСИБО, ЧТО ЗАБРАЛИ МУСОР С СОБОЙ:
СТРАТЕГИЯ ПРОСПЕКТИВНОЙ БЛАГОДАРНОСТИ
В РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ УКАЗАТЕЛЯХ**

А. В. Быстрых, М. А. Бородецкая
Воронежский государственный университет

**THANK YOU FOR TAKING YOUR RUBBISH HOME:
PREMATURE THANKS IN RUSSIAN AND ENGLISH PUBLIC SIGNS**

A. V. Bystrykh, M. A. Borodetskaya
Voronezh State University

Аннотация: стратегия перспективной благодарности рассматривается как речевая универсалия, используемая в лингвистическом ландшафте городской среды в качестве оптимального инструмента предотвращения антиобщественного поведения, не связанного с экзистенциальной угрозой и не являющегося в строгом смысле слова противоправным. Регулятивные тексты общественных указателей, эксплуатирующие данную стратегию, демонстрируют отклонение от канонических норм институционального дискурса и обнаруживают схожую коммуникативно-функциональную направленность, а также единые дискурсивные механизмы реализации в русском и английском языках, что может свидетельствовать об универсальности данной дискурсивной практики в сфере взаимодействия агентов и клиентов общественных институтов. Сложная дискурсивная природа исследуемых малоформатных текстов обуславливает интерпретативный подход к их анализу, опирающийся на функционально-прагматический метод, метод качественного контент- и контекстуального анализа, позволяющие адекватно описать опыт оперирования данной конвенцией русско- и англоязычными пользователями городской инфраструктуры. Полученные данные свидетельствуют, что перспективная благодарность как дискурсивная стратегия является результатом прагматической компрессии более распространенной в городском лингвистическом ландшафте последовательности директивных и экспрессивных актов. При этом помещаемая в прагматическое ядро вторичного текста форма эксплицитной благодарности является исключительно стратегическим средством конструирования особой конфигурации межличностных смыслов и никак не затрагивает его иллюкативную цель, определяемую в работе как институциональное предписание. Осуществляемая таким образом реляционная работа связана с актуализацией компонента логической структуры речевого акта благодарности – «признание обязательства перед адресатом», что позволяет агенту социального института манипулировать властным дифференциалом как неотъемлемым параметром статусно ориентированного общения.

Ключевые слова: общественный указатель, лингвистический ландшафт, благодарность, предписание, межличностные смыслы.

Abstract: premature thanking is viewed as a common feature of public signs within urban linguistic landscapes, strategically used to deter types of anti-social behavior that do not pose an immediate existential threat and are not, in and of themselves, unlawful. Public signs featuring premature gratitude deviate significantly from the routinized language patterns typical of institutionalized settings, yet they display substantial commonalities in terms of function and underlying discourse mechanisms in both Russian and English. This may suggest that premature gratitude is a universally exploited feature across many urban linguistic landscapes. The complexity of discourse factors involved in this linguistically creative strategy necessitated the use of functional-pragmatic analysis, as well as content and contextual analysis methods. A key finding from the analysis is that public sign

texts utilizing premature gratitude are secondary in nature, resulting from the pragmatic compression of a common sequence of directive and expressive speech acts. On the surface, this compression involves assigning the explicit thanking formula the role of a performative act, which is exploited by the speaker (i.e. the agent of a public institution) solely for relational work, rather than modifying the utterance's illocutionary function, defined as an institutionalized injunction. The relational work in question draws upon implying indebtedness to the addressee (i.e. the less powerful participant) and using the thanking formula as a gesture of politeness within the ongoing power relationship.

Key words: public sign, linguistic landscape, thanking, injunction, relational work.

Введение

Канонические общественные знаки (указатели) традиционно описываются как малоформатный информативно-регулятивный тип текста [1], характеризующийся следующими инвариантными признаками: стандартизованность формата, устойчивость и регулярная воспроизводимость языковых форм, краткость объема, прагматическая однозначность, полная или частичная обезличенность адресанта, отсутствие экспрессивно-эмоционального компонента и т. д. [1; 2]. Данные характеристики общественных указателей как особого типа текста предопределяются в первую очередь внеязыковым контекстом их функционирования: в динамичных условиях городской среды субъекты власти, наделенные полномочиями регулировать общественный порядок, вырабатывают оптимальный для соответствующих условий коммуникативный стиль взаимодействия с жителями города и клиентами общественных институтов.

Эта задача, с одной стороны, предполагает лавирование между такими сугубо дискурсивными факторами, как способ и форма выражения волеизъявления/информирования, степень вмешательства в интересы адресата, поддержание статусной иерархии, сохранение (мнимой или реальной) гармонии взаимоотношений, оценка адресатом ситуативной приемлемости как формы, так и транслируемой иллокуции и т. д. С другой стороны, институциональный дискурс отличается повышенной клишированностью и трафаретностью эксплуатируемых языковых средств и стратегий [3], что неизбежно снижает вариативность репертуара используемых форм и повышает их коммуникативную однозначность, в том числе через стереотипизацию ассоциативной связи между формой и содержанием привычно встречающегося общественного указателя.

Абсолютно не удивительным видится тот факт, что, как правило, при выборе языковых форм и стратегий объективации содержания общественных знаков более значимым оказывается фактор институциональной регламентированности сферы взаимодействия народа и «начальства», нежели отмеченная выше ориентированность на фактор адресата и гармонизацию взаимодействия агента и клиента обще-

ственного института. Как следствие, канонический общественный указатель выглядит обезличенным, сухим, предельно кратким и банально однозначным, например: *Парковка запрещена; Не курить; No soliciting; Staff only*. При этом отмеченная С. Г. Тер-Минасовой в отношении общественных знаков ингерентная диалектика функций сообщения и воздействия [1] по сути лишается пространства для маневра в условиях жесткой структурной и семантической редукции.

Примечательно, что исследованиям языка общественных указателей придается новый импульс в конце XX в. благодаря работе Р. Лэндри и Р. Бурхиса [4], предложившей новое для социолингвистики понятие *лингвистического ландшафта*. Под лингвистическим ландшафтом исследователи понимают язык объявлений и надписей на общественных дорожных знаках, рекламных щитах, аншлагах, вывесках на учреждениях и т. д., представленный во всей своей совокупности на определенной территории (городской агломерации) [4, р. 25]. Сегодня данный термин в основном востребован в макросоциолингвистических исследованиях, анализирующих динамику языковой конъюнктуры в условиях многоязычия. Тем не менее перспективным видится и исследование отдельных прагматически близких типов общественных указателей, стереотипно встречающихся в лингвистическом ландшафте заданного языкового сообщества, для определения механизмов выстраивания и поддержания отношений между агентами и клиентами общественных институтов при регулировании поведения последних.

Именно такой ракурс изучения общественных знаков предопределяет предмет настоящего исследования, объектом которого выступают нетривиальные с точки зрения указанных выше инвариантных характеристик общественные указатели, объединенные типизированной как в русскоязычном, так и англоязычном лингвистическом ландшафте городской среды стратегией *перспективной благодарности*, т. е. экспликацией в семантико-синтаксической форме соответствующего высказывания благодарности за еще не осуществленное адресатом действие. Примеры данных знаков приведены на рис. 1 и 2.

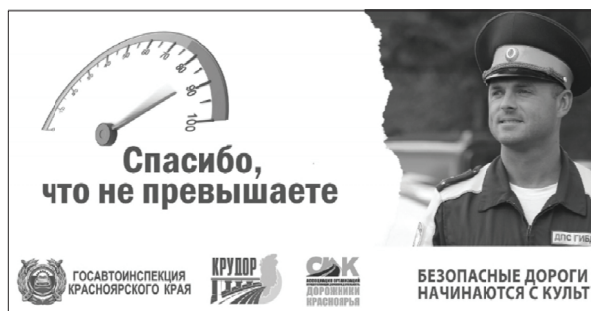

Рис. 1. Билборд в Краснодарском крае

Рис. 2. Общественный указатель в г. Бирмингеме, Великобритания

Обозначим кратко, в чем состоит неординарность подобных общественных указателей в городском лингвистическом ландшафте. Во-первых, на фоне преобладающей нейтральности канонических общественных указателей в отношении трансляции экспрессивно-эмоциональных смыслов и тенденции к стратегически избираемому канцеляризму как форме фиксации институционально закреплённого властного неравенства агента и клиента общественного института в данных указателях мы наблюдаем манифестацию прототипического экспрессива в форме, характерной для бытового, повседневного дискурса. Как известно, экспрессивные речевые акты специализируются на выражении чувств и психологических установок относительно положения дел, репрезентированного пропозицией [5, с. 253], и в отличие от других классов речевых актов не маркированы в отношении выделенного Дж. Серлем критерия их дифференциации – соответствия между словами и реальностью [6, с. 183]. Благодаря кого-то за услугу, говорящий не пытается «подогнать» мир к словам (что релевантно для регулятивно-запретительных указателей) или слова к миру (как происходит в случае информирующих указателей). Получается, что сама языковая форма таких малоформатных текстов противоречит конвенционально закреплённым за ними функциям информирования и контроля.

Более того, обращает на себя внимание конвенционализация речевой стратегии оформления центральной иллокуции на таких указателях, а именно стереотипное использование перформативной рамки, объективируемой в русском языке эмоциональным междометием *спасибо* и рутинизированной речевой формой благодарности *thank you / thanks* в английском языке. Не имея возможности в рамках настоящей статьи детально обсуждать спорный системно-языковой статус данных форм, отметим тем не менее их абсолютную изофункциональность перформативно используемым глаголам *благодарить / to thank* и принадлежность ядру своеобразной перформативной парадигмы речевого акта благодарения прежде

всего в силу эквивалентности речепотреблений *Спасибо за... / Thanks for....*

Вместе с тем даже минимальный контекстуальный анализ таких высказываний, а также предлагаемый далее анализ прагматической конфигурации их содержания подсказывает, что перед нами не что иное, как директивы, искусно и нетривиально замаскированные с помощью аффективной модальной рамки.

Заметим в связи с этим, что в практике использования косвенных речевых актов не характерно применение перформативной рамки (к тому же с развернутой пропозицией) как средства кодирования иллокуции, отличной от лексического значения соответствующего глагола. Перформативность эксплицитна по определению. Она традиционно рассматривается в прагмалингвистике как наиболее однозначный способ указания на характер транслируемой иллокуции [7; 8], не допускающий функциональной транспозиции в иной речеактовый таксон. В этой связи с точки зрения универсальных принципов общения описываемые высказывания, содержащие перформативно оформленную стратегию проспективной благодарности, представляют собой своеобразную коммуникативную аномалию. Дело в том, что намеренное помещение в прагматический фокус эксплицитного перформатива, вводящего развернутую пропозицию, не переводит такие высказывания в разряд эксплицитных способов передачи соответствующей экспрессивной иллокуции, а конъюнктурно используется говорящим для решения иных речевых задач.

Безусловно, коммуникативная амбивалентность высказываний, эксплуатирующих стратегию проспективной благодарности, устраняется при их локализации в общую ткань текста общественного указателя, тем более если речь идет о закрепившейся речевой конвенции в заданном лингвистическом ландшафте. Принципиальными для нас являются причины использования столь нехарактерной с точки зрения универсальных принципов институционального об-

щения и вместе с тем уже «переваренной» и столь привычной с точки зрения носителей многих, по крайней мере известных нам, европейских языков речевой стратегии. В связи с этим ключевые задачи, решаемые в настоящей работе, могут быть сформулированы следующим образом: 1) уточнить коммуникативную сущность транслируемых данными указателями смыслов; 2) описать дискурсивные основания, механизмы реализации и назначение стратегии проспективной благодарности на фоне изофункциональных канонических стратегий оформления подобных малоформатных текстов.

Материал и методология исследования

Материалом для исследования послужили два субкорпуса общественных указателей на русском и английском языках, эксплуатирующих стратегию проспективной благодарности и составляющих единицу анализа. В русский субкорпус вошли 87 единиц, в английский – 74. Определение общественного указателя, рассмотренного во всей совокупности своих текстовых и визуальных компонентов, как единицы анализа основывалось на принятой в работах по изучению лингвистического ландшафта дефиниции общественного знака: «...любой отрезок текста, находящийся в пространственно определяемой рамке» [9, р. 55]. При таком широком определении общественного знака им может считаться любой информационно-регулятивный текст, локализованный на объектах городской инфраструктуры: от рукописного объявления и стикера на двери до коммерческого билборда. Размер такого знака и объем инкорпорированного текста нерелевантен для задач настоящего исследования. Все имеющиеся в нашем корпусе общественные знаки зафиксированы в виде фотоснимков и приводятся в работе в затранскрибированном виде.

Процесс сбора данных происходил двумя способами. Большая часть корпуса собиралась методом сплошной выборки при поиске фотоснимков на сайтах стоковых фото «Shutterstock», «Dreamstime» и «Alamy» с включением в поисковый запрос различных комбинаций ключевых слов: *public sign, notice, thank you, thanks, общественный знак, указатель, спасибо* и т. д. Вторую, меньшую, часть каждого субкорпуса составили фотоснимки общественных знаков, сделанные самими авторами, их друзьями и коллегами.

При окончательной обработке корпусных данных и принятии решения о включении того или иного знака в качестве единицы анализа мы руководствовались следующими соображениями:

– знаки с идентичным текстом, зафиксированные в разных локациях, рассматривались нами как отдельные единицы анализа;

– в англоязычный корпус помещались общественные указатели, зафиксированные в разных странах, в которых английский язык является государственным, т. е. без учета потенциально возможной региональной вариативности в пределах одного языка в связи с тем, что, по нашим наблюдениям, стратегия проспективной благодарности, реализуемая на общественных указателях, является своеобразной речевой универсалией, востребованной и идентично используемой в известных нам европейских языках, и не может рассматриваться как этноцентрически ориентированная форма вербального воздействия;

– решающим критерием отбора единиц анализа служило наличие в логической структуре соответствующих высказываний именно презентно-футуральной перспективы развития исходной ситуации в новую (подробнее см.: [10]), что далеко не всегда отражается в языковой форме. Ср.: 1) *Мы знаем, что у Вас есть выбор. Спасибо, что выбрали нас* (табличка в офисе компании грузоперевозок, г. Воронеж) и 2) *Спасибо, что убрали за собой* (табличка в лесопарковой зоне, г. Наро-Фоминск). Для устранения морфосинтаксической омонимичности таких высказываний требовалось обращение к характеру темпорального сопряжения речевой и предметной ситуаций, что позволяло исключить высказывания типа 1 из корпуса как средства реализации прототипической благодарности.

Основными методами анализа в настоящей работе выступают функционально-прагматический метод в виде речеактового анализа, метод качественного контент-анализа и метод контекстуального анализа. Полученные данные приводятся в сопоставительном ракурсе для выявления сходств и различий в реализации стратегии проспективной благодарности в русском и английском языках.

Результаты исследования и их обсуждение

Стратегия проспективной благодарности, несмотря на высокую частотность и востребованность в языковых ландшафтах городской среды, до настоящего времени не стала объектом обстоятельного анализа. В лингвистической литературе встречаются немногочисленные и весьма фрагментарные описания данной стратегии в основном в контексте описания способов трансляции директивных коммуникативных смыслов. Дж. Лич указывает на некоторую непривычность данной стратегии для носителей английского языка (по-видимому, в связи с запрограммированным в ней эффектом обманутого ожидания: вас благодарят за то, что вы (еще) не сделали) и однозначно трактует ее как все сильнее закрепляющуюся в речевой практике *стратегию позитивной вежливости* при осуществлении просьбы и ситуативно конкурирующую с маркером негативной вежливости *please* [11,

р. 198]. А. Вежицкая указывает на большую вероятность встретить знак *Thank you for not smoking* в маленьких ресторанах и кафе Австралии, «где посетители чувствуют присутствие владельца или директора этого заведения» [2, с. 174], акцентируя тем самым потенциал данной языковой формы в сокращении *социально-психологической дистанции*. С. Г. Тер-Минасова приводит результаты опроса британского информанта-носителя по поводу реакции на объявление в столовой, призывающее отнести поднос на место: *Thank you for bringing your tray to the point*. По оценке информанта, такой способ волеизъявления является весьма действенным в связи с возникающей у адресата неловкостью в случае неисполнения действия [1, с. 312]. С. Джатц [12] и К. Эйджмер [13] отмечают ориентированность данной формы на реализацию просьбы не делать нежелательное с точки зрения говорящего действие и тем самым усматривают в ней «сдерживающий» смысл. В целом, эклектичность приведенных трактовок, хотя и указывает на различные аспекты реализации исследуемой стратегии, вряд ли способствует осмыслению единых, по нашему мнению, дискурсивных механизмов ее формирования и использования как речевой универсалии во многих естественных языках.

Наблюдения за дискурсивной практикой использования стратегии проспективной благодарности в лингвистическом ландшафте общественного места дают нам основания сделать следующее предположение. Размещенные на указателях высказывания типа *Спасибо за то, что вы не бросаете мусор* (г. Изборск) и *We thank you for not feeding the gulls* (г. Гриннок, Шотландия) являются своеобразными *вторичными текстами* – результатом прагматической компрессии более распространенной в лингвистическом ландшафте городской среды последовательности директивных и экспрессивных актов (с вариативным включением ассертивов), например: *Уважаемые жильцы! Убедительная просьба не бросать окурки с балкона, наш двор – не ваша пепельница. Спасибо за понимание* (г. Казань); *Please do not feed the gulls or pigeons. It is bad for their health, encourages them to steal food and their droppings pollute the sea. Thank you for your co-operation* (г. Тинмут, Великобритания).

Информационно-регулятивные тексты второго типа рассматриваются нами как прагматически первичные не только в связи с их существенно более высокой частотностью, но и по причине максимально эксплицитной формы реализации тех иллокуций, которые посредством прагматической компрессии и адаптации инкорпорируются в тексты первого типа. При этом обращает на себя внимание то, что в результате такой структурно-прагматической модификации в прагматической фокус вторичного текста помеща-

ется второстепенная (с точки зрения общей информационно-регулятивной функции первичного текста) иллокуция благодарности, выстраивающая аффективную модальную рамку: *Спасибо, что не обижаете уток и лебедей! Мой Парк Горького* (г. Москва); *We are here to help you. Thank you for treating us with respect* (табличка в больнице, г. Кардифф, Великобритания).

Справедливо заметить, что иллокуция благодарности представлена и в первичных текстах в дефектном виде в связи с неполным выполнением условия пропозиционального содержания прототипического речевого акта благодарности, следующим образом сформулированного Дж. Серлем: «наличие предшествующего действия, выполненного адресатом» [14, с. 67]. Помимо уже отмеченной и сохраняющейся во вторичном тексте нарушенной темпоральной ориентированности пропозиции на прошлое, в высказываниях *Спасибо за понимание*; *Thank you for your co-operation* не содержится отсылки на действие в строгом смысле этого термина. Они предвосхищают желаемое для адресанта психологическое состояние адресата, но никак не указывают на вызванное последним изменение положения дел в действительности.

Вместе с тем, как видим, такая «дефектная» иллокутивная форма стратегически выбирается агентом общественного института в качестве действенного средства управления социальным поведением и превращается в одобряемую обществом конвенцию как в русско-, так и англоязычной среде. Причины такого выбора будут предложены нами далее, а сейчас предлагаем остановиться на виде директивных действий, конвенционально реализуемых таким образом в обоих языках.

Несмотря на подчеркнутую мимирию общественных указателей, эксплуатирующих стратегию проспективной благодарности, под «компанейские» (convivial) речевые акты (термин предложен Дж. Личем [11, р. 89] для описания класса актов, в которых налицо гармонизация интересов адресата и адресанта) и спорадические попытки в научной литературе (см. выше) квалифицировать соответствующие иллокуции как просьбы, проведенный нами анализ однозначно указывает на то, что коммуникативно-целевой смысл большинства подобным образом оформленных малоформатных текстов лежит в плоскости *прескриптивности* (97 % в русскоязычном субкорпусе, 95 % – в англоязычном). При этом «прагматический паспорт» данных общественных знаков не обнаруживает сколь-либо значительной вариативности между русским и английским языками. Приведем основания отнесения данных актов к классу прескриптивов (подробнее об условиях успешности прескриптивных речевых актов см.: [15]).

Во-первых, дискурсивный контекст, в котором обнаруживаются данные знаки, регулярно указывает на институционально закреплённую приоритетную позицию адресанта как держателя и отправителя соответствующих властных полномочий, что является инвариантной характеристикой прескриптивных смыслов. При этом только в русскоязычных знаках может эксплицитно указываться источник волеизъявления [9 %], в то время как в англоязычных указателях он фактически никогда не упоминается и, как правило, очевиден из контекста: *Спасибо, что не превышаете. Госавтоинспекция Красноярского края* (билборд в Красноярском крае); *Спасибо, что не купаетесь в фонтанах и заботитесь о своем здоровье. Администрация города Тюмени* (г. Тюмень); *This is a tobacco-free building. Thank you for not smoking or using tobacco products in our facility* (г. Чикаго, США); *Thank you for not walking through the garden* (г. Лас-Вегас, США).

Зачастую такие тексты содержат отсылку на противоправность фиксируемого пропозициональным содержанием действия или эксплицитно указывают на потенциальные санкции в случае его (не)выполнения, что акцентирует облигаторность каузируемого действия для адресата. Сопроводительный текст в виде ассертивов может указывать на косвенную наказуемость адресата в виде нежелательных последствий для него самого или общественного блага. Например, *Возможно, в здании напротив уже вызывают полицию из-за ваших громких разговоров. Спасибо, что соблюдаете тишину* (информационная табличка у ресторана, г. Санкт-Петербург); *Мы дышим одним воздухом. Спасибо, что здесь не курите!* (социальная реклама, г. Нижний Новгород); *A primary way youth get access to tobacco products is from consumers of legal age. Thank you for not buying tobacco or vapor products for people under 21. We're serious about preventing underage use of tobacco and vapor products* (вывеска у киоска в штате Огайо, США); *Smoking is prohibited within 8 mtrs of all building entrances. Thank you for not smoking* (г. Бирмингем, Великобритания).

Ориентированность таких форм на побуждение к условно облигаторным действиям, рациональность выполнения которых диктуется интересами общественного блага, а значит, не предоставляет адресату абсолютной свободы выбора в отношении выполнения/невыполнения соответствующего действия, особенно заметно проявляется в английском субкорпусе, 18 % единиц которого относятся к призыву соблюдать меры предосторожности во время распространения коронавирусной инфекции: *Thank you for wearing a face covering in store* (г. Лондон, Великобритания); *Thank you for practicing social distancing* (г. Бристоль, Великобритания).

В целом, несмотря на различную степень актуализации в высказываниях исследуемого типа инвариантных признаков прескриптивных речевых действий и, соответственно, их различный статус внутри функционально-прагматического поля прескриптивности, их интегральный признак, по нашему мнению, сводится к мотиву транслируемого волеизъявления. Основанием для побуждения реципиентов таких малоформатных текстов к некоторому (без)действию является не *экзистенциальная угроза* адресату (релевантная для прототипических приказов и запретов, ср. *Купание запрещено; Переходить по надземному переходу; Safety helmets required; No smoking on factory premises*), а скорее деонтические правила поведения, направленные на поддержание общественного порядка и приращение общественного блага. Общество в целом и его отдельные институты предъявляют к своим членам определенную систему нравственных правил, облигаторность которых, не будучи абсолютной, воспринимается ими как условие гармоничного взаимодействия внутри определенного сообщества. В самом деле, такие «антиобщественные» действия или бездействия, как разговор по телефону во время обслуживания на кассе, бросание мусора, кормление уток хлебом, купание собаки в парковом пруду и т. д. чаще всего не являются противоправными с точки зрения закона деяниями, не представляют непосредственную экзистенциальную угрозу членам общественного коллектива и оставляют индивиду некоторую свободу при принятии решения об их (не)выполнении. Тем не менее они порицаются обществом ничуть не меньше, чем, допустим, агрессивное вождение, что и обуславливает создание в их отношении регулятивных текстов, наделённых характеристиками прескриптивов. Сравните: *Спасибо, что убрали за собой!* (табличка в кафе, г. Воронеж); *Спасибо, что не купаете собак в водоеме! Ваш Парк Горького* (ЦПКиО, г. Москва); *Thank you for not using your cell phone while ordering* (вывеска в кафе, штат Айова, США); *Thank you for not littering* (г. Эдинбург, Великобритания); *Thank you for removing your laundry as soon as the machine finishes* (объявление у ландромата в прачечной, г. Нью-Йорк, США).

Обобщая изложенные прагматические факторы, релевантные для реализации директивных высказываний в форме проспективной благодарности на общественных указателях, нам представляется возможным определить их общий коммуникативно-целевой смысл как *предписание*, являющееся разновидностью прескриптивных речевых действий. Отличительными характеристиками предписаний являются: закрепление в роли прескриптора некоторой инстанции или социального института; регулирование поведения лиц, принадлежащих определенной социальной груп-

пе; приведение поведения данной социальной группы в соответствие с ситуативно закрепленными нормами и наказуемость несоблюдения норм (в нашем случае в форме неблагоприятных последствий или общественного порицания) [15, с. 17].

Квалификация исследуемых высказываний в качестве предписаний требует тем не менее одной оговорки. В аналитических целях оба имеющихся у нас субкорпуса могли бы быть разделены на две группы: собственно, предписания: *Спасибо, что соблюдаете дистанцию; Thank you for recycling*) и запретительные (превентивные) предписания: *Спасибо, что не мусорите; Thank you for not parking here*. Общеизвестно, что запрет является своеобразным модальным антиподом приказа, так как сводится к приказу не совершать некоторое действие и акцентирует пресуппозицию наличия желания у адресата совершить его [15]. Данное различие размывается в нашем корпусе и не поддается однозначному статистическому анализу в связи с конвенционально закрепляющейся возможностью опускать модальный оператор *not/не* в пропозициональной части высказывания при использовании предиката (группы предикатов) с противоположной семантикой. Ср.: *Спасибо за то, что не бросаете мусор!* – *Спасибо за то, что забрали мусор с собой!*; *Thank you for not using your cell phone* – *Thank you for silencing your phone*. При этом, по-видимому, в данном случае первичным фактором при выборе способа вербализации предписания является не собственно реализуемый прагматический вариант прескриптива (предписание или запрещающее предписание), а сформировавшаяся речевая конвенция, выстраивающая в том числе с учетом ингерентно присущей информационно-регулятивным текстам компактности. В этом отношении несколько аномальными с точки зрения сложившихся в русскоязычном лингвистическом ландшафте речевых конвенций выглядят следующие предписания, использующие комплексные предикаты и тем самым эксплицирующие свойственную предписывающим прескриптивам пресуппозицию дисгармонии насаждаемых деонтических норм и личных интересов адресата: *Спасибо, что боретесь с желанием пройтись по газонам!* (г. Санкт-Петербург); *Спасибо, что удержались от желания сесть на бочку* (информационная табличка в доме-музее М. Ю. Лермонтова, г. Пятигорск).

Далее обращает на себя внимание весьма редкая реконтекстуализация описываемых информационно-регулятивных текстов в сферу бытового общения как в русско-, так и англоязычной среде (3 и 5 % соответственно). В связи с этим интересны причины закрепления данной формы как своеобразного кода именно институционального общения. При нейтрализации статусного неравенства и переходе на лич-

ностно ориентированное общение с сохранением письменного канала коммуникации (различные формы объявлений и записок) исследуемая форма начинает реализовывать смыслы, которые можно квалифицировать как периферию реквестивности, например: *Спасибо за то, что не выгуливаете собак в нашем дворе!* (вывеска-обращение жителей многоквартирного дома к прохожим, г. Москва); *Working from home. Thank you for not disturbing unless required* (вывеска на двери жилого дома, г. Ливерпуль, Великобритания); *Thank you for not blocking my mailbox* (рукописная вывеска у почтового ящика для неудачно паркующегося соседа, шт. Висконсин, США). В данных контекстах адресант перестает выступать в роли лица, наделенного приоритетным правом контролировать выполнение каузируемого действия, а также апеллировать к нормам, регулирующим общественное поведение и предполагающим санкции в случае неподчинения. К тому же, за адресатом остается свобода в принятии решения о выполнении/невыполнении действия, которая тем не менее серьезно затрагивает интересы адресанта (но не общества или общественного института в целом как в случае с прототипическими предписаниями), что не позволяет квалифицировать такие высказывания как ядерные реквестивы.

Как представляется, использование в данных контекстах маркированной вежливой формы (перформативная благодарность), формально приоритезирующей интересы социального лица адресата (благодарность означает признание и положительную оценку его действий) в ситуации статусного равенства интерактантов вступает в своеобразное противоречие с реальным положением дел, при котором интересы адресанта мыслятся как приоритетные (и наделяющие его правом презумптивно оценивать исход речевой ситуации). Налицо рассогласованность между подчеркнуто вежливой формой и невежливой (де факто ограничивающей свободу выбора при решении о выполнении действия) иллюкуцией, что, по Дж. Калпеперу [16], является источником порождения *имплицитной невежливости*, которая, в свою очередь, лежит в основе многих случаев пассивно-агрессивного поведения [17]. В самом деле маркированная презумптивность лица в отношении того, где соседу парковать машину, более того транслируемая в таком режиме, который не оставляет возможности для синхронной реакции, в ситуации реальных или мнимых добрососедских отношений расценивается никак иначе, как пассивно-агрессивная дискурсивная практика. Еще более конфронтационную по интенции, но не по форме имеет подобным образом транслируемая презумптивность в отношении не действий, а мыслей адресата в следующем примере: *Thanks for realizing that this is not an ashtray* (записка, оставленная арендаторам у цветочного горшка в шт. Гавайи, США).

Оговоримся при этом, что отношения арендодателя и арендатора рассматриваются нами в данном случае как статусно равноправные, поскольку условный приоритетный статус арендодателя не закрепляется институционально. По-видимому, именно по причине риска порождения (а скорее восприятия) имплицитных конфронтационных смыслов как русско-, так и англоязычные малоформатные тексты, эксплуатирующие стратегию проспективной благодарности, весьма неохотно перемещаются в контекст бытового общения, оставаясь преимущественно кодом *институционального предписания*.

Обсуждение вида дискурса, в котором порождается и органично функционирует исследуемый тип текста, подводит нас к ключевому вопросу настоящего исследования – каковы дискурсивные основания и механизмы реализации стратегии проспективной благодарности в контексте взаимодействия агентов и клиентов социальных институтов.

Как следует из представленных выше рассуждений, мы не склонны рассматривать содержание описываемых высказываний как полиинтенциональное и квалифицируем перемещение рутинизированной формы благодарности в позицию прагматического ядра вторичного текста исключительно как стратегически планируемую деятельность отправителя предписания по поддержанию оптимальных для данных дискурсивных условий отношений с адресатом. Другими словами, благодарность со стороны «власти» за еще не осуществленное, но проецируемое как осуществленное, либо предотвращенное действие индивида есть не что иное, как стратегическая игра уполномоченного контролировать общественное поведение автора текста знака, который оценивает рассматриваемые формы как более предпочтительные, чем повсеместно используемые и, возможно, не отвечающие его стратегическим целям тексты типа *Убедительная просьба по газонам не ходить; Пожалуйста, убирайте за своими питомцами; Please keep off the grass; Please do not feed the birds*.

При этом стратегический выбор в пользу маркированной экспрессивной формы для регулирования общественного поведения, по-видимому, можно объяснить следующим. Если директивы специализируются на координации и контроле действий адресата, то экспрессивы, выражая чувства и психологические установки говорящего, отвечают за регулирование межличностной (интерперсональной) стороны взаимодействия, описываемой современными зарубежными лингвистами термином *реляционная работа* (*relational work*) [18] и покрывающей всю совокупность действий коммуникантов по гармонизации и дисгармонизации межличностных отношений. Стратегическим инструментом гармонизации межличностных отношений является вежливость, пони-

маемая в постмодернистских концепциях как ситуативно приемлемая форма взаимодействия. При этом пределы приемлемости речевого поведения определяются, модифицируются и адаптируются самими участниками общения, а не внешними установлениями [18]. Исходя из этого, стратегия проспективной благодарности на общественных знаках рассматривается нами как стратегически избираемый субъектом власти инструмент трансляции *реляционных* (межличностных, интерперсональных) смыслов для гармонизации отношений со статусно зависимым коллективным адресатом в контексте институционального предписания.

Поскольку реализуемые на исследуемых общественных указателях предписания не связаны с потенциальной экзистенциальной угрозой и оставляют адресату некоторую свободу в принятии решения об осуществлении/неосуществлении предписываемого действия, оптимальным механизмом регулирования его социального поведения становится не воздействие на волю как таковую, а апеллирование к специфически конфигурированному реляционному смыслу. Поясним, что мы имеем в виду под такой трактовкой. Благодарность, помимо очевидной ориентированности на удовлетворение потребностей позитивного социального лица адресата (солидаризация с ним за счет подтверждения полезности его усилий), также акцентирует угрозу негативному лицу говорящего в связи с тем, что он признает свое *обязательство* (*indebtedness*) перед адресатом [8, р. 67]. Как видится, использование формы благодарности в ситуации институционального побуждения конструирует особую конфигурацию горизонтальных (социально-психологических) отношений в статусной диаде «агент института – клиент института». Субъект власти сокращает социально-психологическую дистанцию со статусно зависимым адресатом за счет посылки: «вы обязали бы меня, если бы (не) сделали X». В самом деле, в ситуации, когда у властей города или администрации учреждений нет действенного инструмента предотвращения антиобщественного поведения индивидуумов, которое не связано с непосредственной экзистенциальной угрозой или нарушением законодательства, оптимальным способом воздействия становится не формальная императивность, а реляционная работа, направленная на смещение «властного дифференциала» и создание у клиента института ощущения того, что он обязателен «начальство» своими действиями, если поступится своими сиюминутными интересами. Именно такая конфигурация реляционных смыслов конструируется в призывах «удружить» на следующих общественных указателях: *Спасибо, что не уносите пухы и шезлонги с этой поляны!* (ЦПКО, г. Москва), *Уважаемые гости! Спасибо вам, что не бросаете средства лич-*

ной гигиены и другие посторонние предметы в унитазах (г. Москва); *Thank you for not playing the piano* (объявление в отеле, г. Голуэй, Ирландия); *Thank you for flushing toilet paper only* (г. Бостон, США).

Еще больший потенциал в сокращении горизонтальной дистанции демонстрируют общественные указатели на русском языке, содержащие финитную форму глагола во втором лице единственного числа: *Спасибо, что носишь маску, тем самым препятствуешь распространению COVID-19* (Приморский край); *Спасибо, что не пересекаешь черту* (билборд на трассе, Красноярский край). Любопытно, что указатели такого рода не отличаются частотностью (4 %), и дело, по-видимому, не столько в жестко закреплённом в институциональном дискурсе конвенциональном обращении к коллективному адресату с помощью местоимения второго лица множественного числа, сколько в еще больших сдвигах в осуществляемой при этом реляционной работе, не всегда отвечающей интересам отправителя властных полномочий. Уже являясь существенным компромиссом в «дискурсивной борьбе» за право распоряжаться действиями адресата, институциональное предписание в форме проспективной благодарности, содержащее обращение к адресату на ты, представляет собой еще один шаг в сторону экспликации потенциальной уязвимости властного статуса адресанта в связи с формально сокращаемой статусной дистанцией. По сути дела, манипуляции с грамматической формой числа глагола в пропозициональной части затрагивают инвариантные характеристики институционального предписания как речевого акта и порождают импликатуры, помещающие такие высказывания на периферию прескриптивности.

В заключение поделимся еще одним наблюдением, указывающим на то, что использование формы благодарности для реализации директивного смысла является исключительно механизмом реляционной работы, направленной на регулирование межличностной стороны взаимодействия, и не влечет за собой полиинтенциональность соответствующего высказывания. Обращает на себя внимание то, что ни в первичных информационно-регулятивных малоформатных текстах, ни во вторичных при формах благодарности узואльно не представлены интенсификаторы (**Большое спасибо, что соблюдаете чистоту / не мусорите*; **Thank you very much for driving slowly / not smoking*). Будучи крайне частотными при формах подлинной благодарности, интенсификаторы акцентируют эмоционально-психологическое состояние говорящего, составляющее условие искренности речевого акта благодарности. В нашем случае субъект предписания действует исключительно в интересах поддержания общественного блага, не вкладывается эмоционально в предметную ситуацию и не считает

целесообразным градуировать степень своей мнимой признательности. Словом, призыв «удружить» используется отправителем властных полномочий исключительно манипулятивно, с оглядкой на допустимые пределы «компанейности», явно нарушаемые при использовании интенсификаторов признательности, даже в случае ее мнимого характера.

Заклучение

Стратегия проспективной благодарности может быть квалифицирована как своеобразная речевая универсалия, характеризующаяся едиными дискурсивными механизмами порождения и функционирования в русско- и англоязычном городском лингвистическом ландшафте. Нетривиальная для институционального дискурса форма трансляции информационно-регулятивных смыслов является результатом прагматической компрессии и адаптации более распространенной в лингвистическом ландшафте городской среды последовательности директивных и экспрессивных актов. При этом помещение в прагматическое ядро вторичного текста эксплицитного экспрессивного перформатива направлено исключительно на стратегическое выстраивание аффективной модальной рамки как средства формирования и поддержания оптимальных для заданных дискурсивных условий отношений с коллективным адресатом – клиентом общественного института.

Характеризуясь предельно возможной асимметрией формы и содержания, рассматриваемые малоформатные тексты являются исключительно директивными по своей коммуникативно-прагматической направленности. Их «прагматический паспорт» указывает на реализацию институционального предписания как разновидности прескриптивного смысла. Предписывающие общественные указатели, реализующие стратегию проспективной благодарности, обслуживают социальные ситуации, в которых вербализуемое в пропозиции антиобщественное действие (или бездействие) не представляет непосредственную экзистенциальную угрозу и не является противоправным с точки зрения закона. Ввиду данного обстоятельства проспективная благодарность стратегически используется отправителем власти не с целью воздействия на волю коллективного адресата (как в случае канонического регулятивного типа текста), а как инструмент профилирования реляционных (межличностных) смыслов.

Ключевым инструментом проводимой в таких условиях реляционной работы является присутствующее в логической структуре речевого акта подлинной благодарности обязательство адресанта перед адресатом. Данный семантический компонент актуализирует особую конфигурацию межличностных смыслов, смещающую имманентно присущий инсти-

туциональному дискурсу «властный дифференциал» и создающую у клиента института ощущение того, что он обяжет субъекта власти своими действиями, если решит «удружить» ему. В связи с этим реализация стратегии перспективной благодарности на общественных указателях рассматривается нами исключительно как средство гармонизации отношений со статусно зависимым адресатом в контексте институционального предписания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Изд-во МГУ, 2008. 352 с.
2. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001. 272 с.
3. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность : социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград, 1998. С. 185–197.
4. Landry R., Bourhis R. Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality. An empirical study // Journal of Language and Social Psychology. 1997. Vol. 16, № 1. Pp. 23–49.
5. Серль Дж. Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. 18. С. 252–255.
6. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170–194.
7. Blum-Kulka S., Olshtain E. Requests and apologies : a cross-cultural study of speech act realization patterns // Applied Linguistics. 1984. № 5. Pp. 196–213.
8. Brown P., Levinson S. Universals in language usage : Politeness phenomena // Studies in Interactional Sociolinguistics 4. Cambridge, 1987. 324 p.
9. Backhaus P. Linguistic Landscapes. A Comparative study of urban multilingualism in Tokyo. Clevedon, 2007. 158 p.
10. Бондарко А. В. Структура императивной ситуации // Функционально-типологические аспекты императива. М., 1990. С. 4–9.
11. Leech G. The Pragmatics of politeness. Oxford : Oxford University Press, 2014. 350 p.
12. Jautz S. Thanking formulae in English. Explorations across varieties and genres. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2013. 308 p.
13. Aijmer K. Conversational routines in English : convention and creativity. London ; New York : Longman, 1996. 252 p.
14. Searle J. R. Speech acts : an essay in the philosophy of language. Cambridge, 1969. 203 p.
15. Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения : английский язык. Воронеж, 1992. 167 с.
16. Culpeper J. Impoliteness strategies // Interdisciplinary studies in pragmatics, culture and society. Cham : Springer International Publishing, 2016. Pp. 421–443.
17. Быстрых А. В., Высоцкая Е. И. Оксюморон по форме и содержанию : дискурсивные механизмы пас-

сивной агрессии // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 28–36.

18. Locher M. A., Watts R. J. Politeness theory and relational work // Journal of Politeness Research. 2005. № 1. Pp. 9–33.

REFERENCES

1. Ter-Minasova S. G. *Yazy`k i mezhkul`turnaya kommunikaciya* [Language and intercultural communication]. Moscow, 2008. 352 p.
2. Wierzbicka A. *Sopostavlenie kul`tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparison of cultures through lexis and pragmatics]. Moscow, 2001. 272 p.
3. Karasik V. I. *O kategoriyaх diskursa* [On the types of discourse]. Volgograd, 1998. Pp. 185–197.
4. Landry R., Bourhis R. Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality. An empirical study. In: *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. Vol. 16, No. 1. Pp. 23–49.
5. Searle J. *Osnovny`e ponyatiya ischisleniya rechevy`x aktov* [The Foundations of Illocutionary Logic]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Moscow, 1986. Pp. 252–255.
6. Searle J. *Klassifikatsiya illokutivnykh aktov* [A Classification of Illocutionary Acts]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Moscow, 1988. Pp. 170–194.
7. Blum-Kulka S., Olshtain E. Requests and apologies: A cross-cultural study of speech act realization patterns. In: *Applied Linguistics*. 1984. No. 5. Pp. 196–213.
8. Brown P., Levinson S. Universals in language usage: Politeness phenomena. In: *Studies in Interactional Sociolinguistics 4*. Cambridge, 1987. 324 p.
9. Backhaus P. *Linguistic Landscapes. A Comparative study of urban multilingualism in Tokyo*. Clevedon, 2007. 158 p.
10. Bondarko A. V. *Struktura imperativnoj situacii* [A structure of an imperative situation]. Moscow, 1990. Pp. 4–9.
11. Leech G. *The Pragmatics of politeness*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 350 p.
12. Jautz S. *Thanking formulae in English. Explorations across varieties and genres*. Amsterdam; Philadelphia, 2013. 308 p.
13. Aijmer K. *Conversational routines in English: Convention and creativity*. London; New York, 1996. 252 p.
14. Searle J. R. *Speech acts: An essay in the philosophy of language*. Cambridge, 1969. 203 p.
15. Belyaeva E. I. *Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: anglijskij yazy`k* [Grammar and Pragmatics of Directives: English language]. Voronezh, 1992. 167 p.
16. Culpeper J. Impoliteness strategies. In: *Interdisciplinary Studies in Pragmatics, Culture and Society*. Cham : Springer International Publishing, 2016. Pp. 421–443.
17. Bystrykh A. V., Vysotskaya E. I. *Oksymoron po forme i soderzhaniyu: diskursivnye mexanizmy passivnoj agressii* [Formal And Conceptual Oxymoron: Discursive

Mechanisms Of Passive-Aggressive Behaviour]. In: *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 4. Pp. 28–36.

Воронежский государственный университет
Быстрых А. В., кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
E-mail: andy0210@yandex.ru

Бородецкая М. А., магистрант
E-mail: mariia_borodetskaiia@outlook.com

Поступила в редакцию 30 августа 2024 г.
Принята к публикации 26 сентября 2024 г.

Для цитирования:

Быстрых А. В., Бородецкая М. А. Спасибо, что забрали мусор с собой: стратегия перспективной благодарности в русско- и англоязычных общественных указателях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 4. С. 83–93. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/4/83-93>

18. Locher M. A., Watts R. J. Politeness theory and relational work. In: *Journal of Politeness Research*. 2005. No. 1. Pp. 9–33

Voronezh State University
Bystrykh A. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the English Philology Department
E-mail: andy0210@yandex.ru

Borodetskaya M. A., Master-student
E-mail: mariia_borodetskaiia@outlook.com

Received: 30 August 2024
Accepted: 26 September 2024

For citation:

Bystrykh A. V., Borodetskaiya M. A. Thank you for taking your rubbish home: premature thanks in Russian and English public signs. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2024. No. 4. Pp. 83–93. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/4/83-93>